

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
АДМИНИСТРАЦИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, ИСТОРИЯ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

*Сборник материалов Всероссийской научной конференции
памяти С.Э. Крапивенского*

г. Волгоград, 16–17 апреля 2008 г.

Волгоград 2008

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ СИНТЕЗЕ

Какую роль могут сыграть философско-исторические рассуждения в ситуации критики и дискредитации «метанарративов», «субстанциальных философий истории», то есть метафизических рассуждений, притязающих сказать по поводу истории последнее и окончательное слово.

Ответ упирается в определение задач философии истории. Судя по всему, философскую традицию, сложившуюся по данному вопросу, можно свести к двум подходам. Либо философия истории призвана сформулировать идею истории, играющую роль объяснительного принципа для всего исторического процесса и выступающую определением сущности истории в целом, что представляет собой философствование в духе Г. Гегеля или О. Шпенглера и по сей день иногда сохраняется (или сохранялось) в отечественной литературе в форме дискуссии между формационным и цивилизационным подходами, либо философия истории занимается анализом исторического познания, а именно определением того, как историк познает, что представляет собой философствование в духе неокантианства. Очевидно, конечно, что в теоретико-методологическом плане помимо решения иных задач оба подхода призваны провести демаркационную линию между деятельностью историка и философа или между наукой и философией. Способ решения этого вопроса будет определять степень компетентности и границы применения того или иного вида деятельности, а значит, давать ответ на вопрос об эффективном распределении функций между ними.

Какого рода возражения можно предъявить первой столь почтенной позиции? Она слишком похожа на

разделение между физиками-экспериментаторами и физиками-теоретиками, где историку отводится роль экспериментатора, а философу – роль теоретика. Фактически такой подход предполагает, с одной стороны, неспособность историка к теоретизированию. Правда, с другой стороны, историк может упрекать философа в том, что тот в построении общей концепции исторического процесса слишком удаляется от фактов в заоблачные спекуляции, которые невозможно верифицировать. В этом и заключается их отличие от описанного выше разделения между физиками. Но это означает, что подобный подход размывает границу между философской и научной деятельностью. Если философ стремится к достоверности формулируемой им концепции истории, то согласно сложившимся методологическим стандартам должен подтверждать ее фактами. А тогда он как по целям, так и по методам фактически перестает отличаться от историка. И наоборот, логично предположить, что философская деятельность и научные способы верификации относятся к разным вещам.

Второй подход гораздо тоньше, чем предшествующий, хотя бы потому, что позволяет более строго разграничить сферы компетенции историка и философа. Первый имеет дело с так называемой реальностью, второй – со знанием о ней. Первый изучает само прошлое, второй – как оно познается. Но и он не свободен от критических замечаний, поскольку явно или неявно предполагает некомпетентность историка, на этот раз методологическую. Но ведь если ученый не обладает знанием принципов и методов работы в своей сфере, вряд ли он вообще может считаться специалистом. И тогда снова встает закономерный вопрос: а чем же тогда деятельность историка будет отличаться от деятельности философа? Только тем, что один специально не рассуждает о методах познания, но практически их осуществ-

ляет, а другой – их не применяет, но о них пишет. Поэтому историк вправе поставить условие: если вы пишете о методах познания, то или вы меня научите тому, чего я еще не знаю, или не пишете о том, что мне и так известно лучше вас.

Резонно тогда спросить в свою очередь: а есть ли нечто, о чем никогда не задумывается, не может и не должен задумываться историк? Но не потому, что он интеллектуально неполноценен, а потому, что сфера его профессиональной деятельности не предполагает постановки некоторых вопросов или не обладает средствами для их обсуждения и решения. На этом основании рискуем утверждать, что единственной задачей философии истории, позволяющей сохранить ее своеобразие, является определение принципов, условий, способов конституирования, конструирования, конфигурирования собственно истории. Проще говоря, ключевой вопрос философии истории – это вопрос о том, *что* следует считать историей. Вокруг него будет концентрироваться вся область философско-исторических проблем, и, наоборот, те или иные темы будут приобретать философско-историческое звучание, если, так или иначе, касаются вопроса об основаниях и условиях исторического видения прошлого. Вот почему насколько критикуемые философские подходы, ставя вопросы о сущности всемирно-исторического процесса или особенностях исторического познания, подразумевают сам факт существования истории несомненным и не подвергают его рефлексии, настолько они оказываются неспособными определить в постановке собственно философских задач.

Конечно, такой подход не означает, что философ сидит и диктует, что такое история. Но предполагается, что должен иметь право на существование весьма специфический вопрос: что делает прошлое историей, какие интеллектуальные операции ее конституируют, что позволя-

ет считать те или иные темы и проблемы историческими? Не важно, кто его персонально задаст, философ или историк. Важно, что приемы, методы, средства, которыми он будет пользоваться для получения и обоснования своих выводов, не будут иметь никакого отношения к методам, приемам или способам, используемым наукой историей.

Отсюда вытекает и определение возможных функций философии истории в современной исследовательской ситуации. Можно утверждать, что строить концепцию исторического процесса или всемирной истории — не дело философа. Объект его интереса — не прошлое само по себе или свидетельства о нем, а результаты его осмысления сообществом исследователей. Поэтому цель философского анализа должна состоять не в определении правильности интерпретации источников или пути человеческой истории, а в выявлении и эвристической оценке принципов или идей, лежащих в основе повествований, претендующих на звание исторических. Иначе говоря, философии отводится функция экспертизы любых исторических проектов. Это означает, что философ должен иметь специфическое знание и столь же специфический опыт — опыт чтения текстов.

В чем суть данной экспертизы и чем она должна руководствоваться? Предполагаем, что, как минимум, двумя критериями. Тексты, притязающие на статус продуктов исторических, должны соответствовать требованиям специфичности и научности. Требование специфичности означает, что если история не находит оснований, которые призваны специфицировать ее видение изучаемых объектов, она фактически утрачивает свою самостоятельность как сфера исследования и может быть редуцирована к какой-либо иной дисциплине. Характерным примером такого положения дел являлось распространенное в свое время убеждение, что роль теории исторического процесса призваны играть социологические зако-

ны. Можно также напомнить, что суть знаменитых споров о критериях отделения «наук о духе» от «наук о природе» заключалась в стремлении сохранить автономность, самостоятельность и самоценность гуманитарного знания. Это не означает, конечно, что историческое исследование не должно использовать результаты и методы других дисциплин. Следует только помнить, что они не создают историю, а лишь вносят вклад в ее создание.

Если говорить о втором требовании, то, что бы ни говорилось об изменении стандартов рациональности и научности, как бы не подвергалась сомнению ценность науки как таковой, одно можно считать несомненным: если история призвана играть какую-либо роль в культуре, она должна выявлять не случайные, а существенные стороны в изучаемых объектах. Собственно, вторая сторона дискуссии о различии «наук о духе» и «наук о природе» (как и споры о природе исторического объяснения, столь характерные для 40–70-х годов XX века) заключалась не только в том, чтобы развеять миф о тождестве стандарта научности естественных и гуманитарных наук и единственности такого стандарта, но также и с целью показать, что своеобразие исторического познания и дух научного исследования не исключают друг друга.

Отметим, что требование научности не стоит отождествлять со стандартами научности, принятыми в современной науке истории. Последние сами могут стать объектом критической рефлексии со стороны философии. Прежде всего это касается столь же знаменитого, сколь и шаблонного утверждения, что достоверность исторического исследования определяется его соответствием самой исторической реальности или ее аналогу в лице исторических фактов. Следует помнить, что сведение научности к экспериментальной проверке является лишь одним из способов ее демонстрации или интерпретации.

Поэтому научность необходимо трактовать в философском смысле, а именно как всю совокупность способов определения всеобщности и необходимости.

Есть ли насущная потребность в такой экспертизе? Рискнем утверждать, что современное дискурсивное поле, в котором обсуждаются проблемы истории, наряду с несомненными достоинствами, страдает некоторой недоговоренностью.

Во-первых, дискредитация философско-исторических конструкций гегелевского или шпенглеровского типа не означает, что они угасают, и на этом дело философии заканчивается. Можно сказать, что объект критического анализа не исчезает, а смещается, хотя отчасти расплывается. Ведь философские принципы и установки пронизывали и пронизывают любой культурный продукт, а критикуемые учения продолжают воплощаться и транслироваться в конкретной исторической продукции. Ее творцами это может не осознаваться, но фактически осуществляться. Вот почему для философии важен любой текст, затрагивающий тему истории, поскольку явно или неявно он является выражением совокупности представлений как сообщества историков, так и иного культурного сегмента (сообщества писателей, к примеру) о ее целях и задачах. Потому-то именно текст выдает себя, выступая симптомом и объективным свидетельством того, осуществился практически мировоззренческий и исследовательский сдвиг или остался простой декларацией. И наоборот, только сам текст, а не заявление его автора является подлинным и единственным свидетельством реального сдвига в мировоззренческих и исследовательских установках.

Во-вторых, рискнем предположить, что с переносом на российскую почву базисных философско-исторических текстов, представляющих западную традицию и конституирующих современное поле философско-историчес-

ких исследований (например, работ Г. Уайта и ему подобных), с их достоинствами будут приобретены и их недостатки. Речь идет о том, что поиск принципов конституирования исторических нарративов часто продолжается осуществляться на чужой территории, а именно на территории литературы. Фактически это ведет к ликвидации автономности и своеобразия исторического исследования. В итоге справедливый отказ от построения метанарративов и ориентация на анализ и критику наличного текстуального пространства могут и будут обрачиваться неспособностью и невозможностью развести историю и литературу.

Если это так, то философия истории получает возможность осуществить экспертизу не только традиционных форм исторической и философско-исторической продукции, но самой новой критики, осуществляемой представителями так называемой «новой интеллектуальной истории» или сторонниками нарратологического подхода к истории. Более того, она приобретает критерии такого анализа. Но следует отметить, что суть философско-исторической экспертизы состоит не только в критическом взгляде. Она сохраняет и позитивную перспективу, что дает возможность говорить о ее роли в методологическом синтезе.

Представляется, что конструктивная функция философско-исторической экспертизы заключается в том, чтобы задать основания для формата исследований, притягивающих на статус исторических. По-другому ее можно назвать способностью сформировать контекст, задать рамку, определить границы и т. д. И проблема здесь не в том, чтобы отдавать предпочтения глобальной истории перед локальной или, наоборот, микроистории перед макроисторией, описанию структур и процессов перед описанием событий и деяний, истории ментальности перед экономической историей. Ведь суть работы историка состоит в

том, чтобы создать продукт, который носит исторический характер не только потому, что повествует о чем-то, что хронологически уже состоялось, и апеллирует к источникам в установлении своих выводов. Рискнем утверждать, что история, имеющая значение, а следовательно, являющаяся историей в подлинном смысле слова, представляет собой синтез двух вещей: что хотели исторические деятели (или акторы, если угодно) и что получилось в итоге или в результате их деяний. Естественно, что это не столько схема каждого конкретного исторического произведения, сколько его сверхзадача. Это и есть то, к чему должно наталкивать нас чтение любого исторического продукта и что является интеллектуальным форматом исторической продукции.

П.С. Волкова,
П.В. Прокопьева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Сегодня исследование состояния современной культуры испытывает острый дефицит методологических средств, что вынуждает представителей гуманитарного знания обращаться к философскому наследию недавнего прошлого. Экзистенциализм предоставляет великолепный арсенал таких средств и специфических подходов к исследованию. Так, Мартин Хайдеггер, сыгравший, возможно, решающую роль в становлении экзистенциализма, пытается добраться до самых глубин понимания бытия. Ясно, что сущее держится на бытии (бытие выс-